

С. С. Ярошенко

СИНДРОМ БЕДНОСТИ

Ярошенко Светлана Сергеевна — аспирантка Института социологии РАН.

На первый взгляд, все мы живем в рамках общей культуры. Но реальность такова, что современные государства всеобщего благосостояния не включают бедность в свою культуру, оставляя ее в особом замкнутом пространстве. Материальная необеспеченность и особые условия не только мешают полнокровному участию в общепринятой культуре, но и ведут к консервации и воспроизводству особого образа жизни, а иногда и факторов, их порождающих. Преодоление бедности стало камнем преткновения и для политиков, и для ученых. Она не поддавалась ни экономическим, ни политическим методам реформирования, оставаясь одним из наиболее живучих феноменов с незапамятных времен до наших дней. Свою разгадку причин постоянства бедности предлагает теория «культуры бедности» (в современной модификации — «субкультуры бедности»).

Профессор Иллинойского университета О. Льюис провел в 50-х годах ряд исследований образа жизни бедных семей и пришел к выводу, что низшие слои населения в условиях постоянной нужды вырабатывают собственные установки, ценности и устойчивые модели поведения, которые социально наследуемы и способствуют постоянству бедности [1]. Ученый высказал три основные гипотезы. Во-первых, образ жизни бедных в разных странах имеет общие черты, выраженные в подчеркнуто отличных от общепринятых, устойчивых моделях поведения и установках. Во-вторых, эти черты представляют собой особую культуру (или субкультуру), а не адаптацию к объективным условиям. В-третьих, они чаще проявляются в стратифицированном, высокоиндивидуализированном капиталистическом обществе.

Предпосылки теории

Истоки изучения субкультуры бедных можно проследить в так называемой городской этнографии, исследовавшей социальное дно. Она восходит к XIX в. — работам писателя и журналиста Г. Майхью, публициста Т. Арчера, художественным произведениям Ч. Диккенса и А. Моррисона и, наконец, к первым подробным описаниям стандартов и образа жизни бедных Ч. Бутом и другими социологами-реформаторами. Примечательно, что бедность, присущая индустриальному обществу, рассматривалась ими не как отсутствие дохода, а как стиль жизни [2].

Социологи Чикагской школы (Р. Парк, Л. Вирт, Ф. Трэшер и др.), развивая эту концепцию, предложили теоретическую модель

интерпретации образа жизни различных социальных групп. Соответствующие исследования были включены в общий контекст изучения проблем городской среды, при этом гетто трактовалось не в качестве символа пространственной, культурной и «моральной» изоляции, а как естественная единица деления города, не поддающаяся контролю и управлению [3]. Представителей Чикагской школы интересовали основы групповой жизни вообще. К примеру, в 1928 г. Ф. Трэшер провел исследование тысячи уличных гангстеров [4], а позднее У. Уайт описал в «Streetcorner society» ритуалы, привычки и «подвиги» хулигана. Ученые обратили внимание на «замкнутость» изучаемых групп, что дало основание говорить и о субкультуре и об уместности употребления данного термина применительно к различным социальным группам: элите, преступникам, бедноте и т. д. Главными критериями выделения субкультуры были признаны замкнутость, а также формирование собственных установок и норм. Как отмечает современный английский исследователь Д. Хебдидж, в 20-х годах формируется научный подход к субкультуре, а именно — метод включенного наблюдения [5, p. 75].

Хотя упомянутый метод позволил накопить и описать немало интересных фактов, он не уберег от ошибок. Во-первых, не было какой-либо аналитической или объяснительной структуры, которая гарантировала бы такой работе самостоятельный статус в рамках доминировавшей позитивистской традиции в социологии [6]. Во-вторых, не учитывалось значение класса и властных отношений, вследствие чего субкультура представала в качестве независимого организма, функционирующего вне основного социального, политического и экономического контекста. Иными словами, картина оказалась неполной, и чтобы исправить положение, потребовался ряд аналитических процедур.

Проблема метода

На формирование теории «культуры бедности» существенно повлияло антропологическое понимание культуры как образа жизни, который выражается через те или иные символы и ценности в различных институтах и повседневном поведении [5, p. 2], а также субкультуры, которую антропологи рассматривают как образ жизни, свойственный членам определенной, пространственно и социально замкнутой общности.

В дальнейшем к классическому перечню — знаниям, верованиям, искусству, морали, законам, обычаям и некоторым другим способностям и привычкам, усвоенным человеком — членом общества [7], была добавлена такая составляющая культуры, как способ деятельности, разделяемый членами общности и включающий стандарты восприятия, осознания, предсказания, оценки и действия [8]. Речь шла, по сути дела, о всех социально стандартизированных способах восприятия и осознания мира, отношений между людьми, предметами и событиями. Профессор антропологии Ч. Валентайн писал, что в широком смысле слова данное понятие подразумевает правила, которые определяют поведение человека и управляют им. Что же касается конкретной культуры отдельных социальных общностей, то это совокупность

тех норм и предписаний, в соответствии с которыми каждый должен действовать так, чтобы быть понятным и предсказуемым для «своих» [9].

Социологи в основание «пределов» для культуры положили социальную стратификацию общества. Под субкультурой понималась совокупность норм, определяющих поведение отдельных групп индивидов, которые противопоставляют себя обществу и отличаются специфическими привычками, образом жизни и поведением. По мнению американского исследователя Дж. М. Йингера, поскольку социологи (в отличие от антропологов) подчеркивали, что напряжение между социальным порядком и культурой приводит к отклонениям, они чаще представляли ее как нормативную, а субкультуру — как отклоняющуюся систему [10].

Считалось, что термин «культура» может быть использован при характеристике образа жизни класса. Соответственно «субкультура» трактовалась в качестве подсистемы — более мелкой и дифференцированной — внутри той или иной большей культурной системы (к примеру, субкультура преступного мира рассматривалась в связи с культурой рабочего класса) [11].

Новый акцент в понимании субкультуры появился со взлетом молодежного движения во второй половине XX века. Именно в это время в оборот вводится новый термин «контркультура» для характеристики жизненного уклада замкнутой группы, установки и ценности которой представляют собой негативную интерпретацию традиционной культуры. Проблема социальных противоречий и социального неравенства квалифицировалась американскими социологами как конфликт ценностей традиционной культуры — хорошо управляемой и достаточно консервативной системы — с контр- и субкультурой [12], вошедшими образцы нестандартности и нонконформизма, потенциально чреватые опасными для общества социальными изменениями. Следует добавить, что термин «контркультура» чаще употреблялся при описании отчуждения различных социальных групп внутри среднего класса.

Культура или субкультура?

Терминологическая путаница понятий «субкультура бедности» и «культура бедности» (их часто используют как синонимы) связана не только со сравнительной новизной проблемы, но и с отсутствием единой точки зрения по поводу того, как далеко зашел человек по пути отчуждения от общепринятых норм и ценностей, а также с различными методологическими принципами анализа отношения между культурой общества и субкультурой социальной группы.

Сторонники радикальной методологической позиции стремились противопоставить общепринятую культуру и культуру бедных. О. Льюис считал, что последняя — это стиль жизни, который передается из поколения в поколение, от родителей к детям, реакция бедных на их маргинальное положение в классово-стратифицированном, индивидуалистском капиталистическом обществе [13]. Бедные, отчужденные от остального общества, вырабатывают свою культуру, утверждал антрополог. (Позднее он будет употреблять термин субкультура.) Ее воспроизводство

объясняется не сохранением материальных и социальных условий, в которых она сформировалась, а процессом социализации. Преодоление физической бедности, заключает О. Льюис, не может быть достаточным для преодоления культуры бедности. Иначе говоря, она становится самостоятельной силой, существующей независимо от породивших ее условий.

Схожих взглядов придерживается и В. Миллер. Он описывает субкультуру бедности как культуру низшего класса, самостоятельную традицию, чей возраст — несколько столетий. Она формируется в конфликте с общепринятой культурой и ориентирована на разрушение норм среднего класса [14].

В целом можно констатировать; теоретики, которые при анализе проблемы пытаются вывести взаимозависимость между культурой бедных и их положением в системе социальной и властной стратификации, рассматривают субкультурные характеристики и образ жизни бедноты в качестве особых, передающихся из поколения в поколение, противоположных общепринятым законам и правил, норм и ценностей.

Подобная точка зрения во многом обусловлена размытостью категории «бедные» и преувеличением противостояния между ними и остальным обществом. Такая позиция, значительно сужающая сущность явления, на наш взгляд, смыкается с марксистской трактовкой конфликта и классового сознания.

Расширительное толкование субкультуры бедных как части единого социально-культурного пространства развивает традицию анализа делинквентных культур, связанную с теорией аномии Р. Мертон. Сторонники этой теории — Г. Ганс, Л. Райнуотер и другие, признавая существование особой субкультуры бедных, не противопоставляют ее общей культуре и считают, что она детерминирована социальными условиями. По мнению Райнуотера, некоторые группы вырабатывают свою нормативную систему потому, что не могут достичь успеха, следуя общепринятым нормам. Тем не менее, они продолжают находиться под влиянием последних. Складывается ситуация, подобная той, когда игроки договариваются между собой, что игра, которую они ведут, была бы морально оправдана, но их реальное поведение опровергает эту договоренность [15].

Отнесение к культуре или к субкультуре становится более понятным, когда речь заходит о содержательной стороне дела. Льюис называет около 70-ти взаимосвязанных социальных, экономических и психологических черт «культуры бедности» и выделяет четыре блока: 1) отсутствие или низкий уровень участия в основных институтах общества (профсоюзах, общественных организациях, политических партиях и т. д.); критические установки по отношению к основным институтам господствующих классов (министерствам, ведомствам, полиции и т. д.), к официальным нормам брака; и цинизм по отношению к церкви. Бедные не разделяют общественных ценностей и даже если осознают их, то не действуют в соответствии с ними; 2) минимальный уровень организованности вне рамок семьи; 3) отличные от общепринятых взаимоотношения полов — отсутствие детства, ранние сексуальные контакты, свободные браки, высокая частота аборт и т. д.; 4) преобладание таких установок, как беспомощность, зависимость,

униженное положение, что связано с низкой мотивацией к труду и достижениям; ориентация на сегодняшний день, неспособность к планированию. Подобные установки и поведение делают бедность неизбежной [16].

Основу рассуждений Льюиса составляют негативные характеристики, которые можно выразить двумя словами — дезорганизация и отклонение. Главная ошибка ученого, по мнению большинства критиков, заключалась в абсолютизации образа жизни и норм среднего, класса и оценке мира бедных с позиций господствующей культуры. Кроме того, подвергался сомнению критерий выделения установок и норм, поскольку предложенный подход не давал ответа на вопрос: что надо снять в сознании, чтобы человек чувствовал себя комфортно, будучи нищим? Согласно традиционным представлениям, сложившимся под влиянием социал-дарвинизма, главные составляющие системы ценностей бедных — отношение к работе и образованию. Льюис же называет их в последнюю очередь, а на первый план выдвигает отношение к ценностям общества. С его точки зрения, когда человек выпадает из привычных общественных связей и тем самым становится потенциальной угрозой стабильности традиционного общества, происходит воспроизводство бедности. Такое предположение не согласуется с постулатами социал-дарвинизма, и потому утверждение Ш. Штайнберга, что теория «культуры бедности» — это новый дарвинизм» [17], вряд ли можно считать достаточно обоснованным.

Д. Элеш обобщил мнения ученых 50-60-х годов о составляющих «культуры бедности», представив единый набор характеристик «синдрома бедности» (он использует данный термин, чтобы подчеркнуть свое несогласие со сторонниками так называемого культурного подхода). Среди них — слабая социальная организация, низкий уровень классового сознания, лидерство женщины в семье, фатализм, отсутствие планов на будущее, отчуждение от политики, ранний секс, признание ценности силы и мужественности, наличие устремлений среднего класса [18]. Нетрудно заметить, что перечисленные свойства лишь повторяли то, что уже было сказано Льюисом.

В дальнейшем социологи предпочитали говорить об альтернативных элементах в субкультуре бедности. Так, Х. Родман, предложивший концепцию «ценностного промежутка» низшего класса [19], полагает, что последний не в состоянии действовать в соответствии с доминирующими ценностями из-за нужды. Однако благодаря адаптационному механизму представители этого класса, не разрывая с общепринятым, формируют собственный альтернативный набор, что и помогает им жить в бедности. В результате набор ценностей этой социальной категории оказывается шире, чем у любой другой.

Современные исследователи исходят в своих рассуждениях из того, что моральные ценности и социальные нормы бедных не остаются неизменными и проблема заключается лишь в скорости приспособления к изменяющимся условиям [20, р. 140—141]. Многие авторы подчеркивают значимость изучения как структурных, так и культурных характеристик бедности, которое осуществляется в рамках концепций маргинализации, андеркласса и

«культуры бедности», используемых в американской литературе без четкого разграничения [20, 21]. Отчуждение и исключение из общепринятого стиля жизни считаются, согласно этим концепциям, отличительными чертами образа жизни бедных.

В последнее время все больше признания получает концепция стиля жизни, разработанная П. Таунсендом [22]. Она более рациональна в вопросе о взаимоотношении культуры общества и субкультуры бедных и, на наш взгляд, избегает крайностей теории «культуры бедности». Однако Таунсенд переносит внимание на проблему стиля жизни, который является просто показателем (а не детерминантой) и символом положения, занимаемого человеком или социальной группой в той или иной стратификационной структуре.

Под стилем жизни ученые понимают способ организации индивидуального поведения, досуга и работы, т. е. форму существования социальной структуры. Считается, что люди устраивают свое бытие в соответствии с предпочитаемым стилем жизни, который конкретно проявляется в образцах потребления, связанных с жильем, потребностями в одежде, еде, напитках и отдыхе. С уменьшением уровня ресурсов уменьшаются возможности участвовать в национальном (общепринятом) стиле жизни, в привычных моделях поведения. Несмотря на поиск компромиссов, в рассматриваемой области остается много спорного и малоизученного. Зачастую исследования, посвященные субкультуре бедности, воспринимаются критически, поскольку предполагается, что они оправдывают бездействие правительства в сфере социального реформирования. В результате вместо научно аргументированной дискуссии такие исследования отвергаются как политически неприемлемые.

Носители особой субкультуры

Выявление содержательных характеристик субкультуры бедности идет параллельно с уточнением их носителя. В первых подробных описаниях проблем жизни социального дна учеными-реформаторами, о которых мы уже упоминали, бедность считалась феноменом индустриального общества. Она делилась на первичную бедность, порожденную социальными условиями и недостатками капитализма, и вторичную — вызванную пороками человеческой природы (пьянством, ленью и т. п.). Как правило, бедные отождествлялись с рабочим классом или с его частью — неквалифицированными рабочими.

Ученые, участвовавшие в создании теории «культуры бедности», также относили бедных к рабочим (А. Дэйвис) или к низшему классу (В. Миллер) индустриального общества. Сложившиеся к тому времени схемы анализа стратификационной системы просто переносились на бедных. Между тем понятие «бедный» не является чисто структурным, а включает в себя субъективные ощущения и зависит от места этой категории в системе ценностей данного общества. Например, в средние века бедными себя не ощущали даже самые низшие слои населения, более того, бедность считалась нормой. Лишь в индустриальном обществе открытого типа, где возможности социальной мобильности достаточно велики, появляются бедные в современном толковании этого слова: те, кто

не только не может, но и не хочет стать богатым.

О. Льюис связывал «культуру бедности» среди низших слоев с открытым, мобильным обществом, в котором ценится личный успех и продвижение по службе и одновременно высок уровень безработицы [23]. «Культура бедности», по его мнению, не совместима с социализмом. К такому выводу он пришел в ходе исследований на Кубе до и после революции. Хотя люди жили очень бедно, иногда в тех же трущобах, что и в дореволюционный период, у них не было чувства апатии и бессилия, той особой культуры, которую он наблюдал ранее.

Модели, описанные Льюисом, характеризуют только часть группы, которую Уорнер и его последователи определяли как «низший класс», т. е. наиболее обездоленные и дезорганизованные элементы. Так происходит постепенное сужение социальной категории, подверженной «культуре бедности». Она включает лишь тех, кто постоянно беден.

Другая популярная в 60—70-х годах концепция представляла в качестве носителя «культуры бедности» нацменьшинства (например, низший класс афроамериканцев). Однако после того, как было установлено сходство образа жизни бедных различных национальностей, сторонников этой точки зрения заметно поубавилось.

Современные исследователи (У. Вилсон, К. Дженкс и др.) вводят в оборот понятия «достойные» и «недостойные» бедные, тем самым еще более сужая и видоизменяя группу потенциальных носителей «культуры бедности», описанную Льюисом. По их мнению, последнюю могут иметь только те, кто сам виноват в постоянной бедности — пьяницы, наркоманы, лентяи и прочие «недостойные» бедные. Этот термин схож по смыслу и моралистическому содержанию с его историческим собратом — словом «паупер», распространенным в XIX в. и обозначающим бедного человека, который теряет к себе уважение и даже не стыдится своего положения, а потому недостоин заботы. С конца 60-х годов XX в. для обозначения такой социальной группы используется также термин «андеркласс» (underclass), включающий, как правило, культурный контекст [20, p. 15]. Вилсон отметил три фактора, определивших появление андеркласса и его отличительные признаки: структурная безработица, разрушение нуклеарной семьи, социальная изоляция. С одной стороны, город из центра производства и распределения превратился в административный и информационный центр, где высок уровень обслуживания, постоянно сокращается число мест для работников с низкой квалификацией или с низким уровнем образования. С другой — в городах увеличивается численность бедного населения, живущего в районах, где его концентрация и так повышена. Помимо пространственной, происходит классовая сегрегация, меняются институт соседства и социальный состав гетто. Если в 40—50-е годы и вплоть до начала 60-х годов общность бедных отличалась вертикальной структурированностью, т. е. в одном районе жили представители различных классов, то в последнее время наметилась четкая тенденция к сегрегации бедных от остального населения. Все эти социальные процессы способствовали, как считают исследователи, кристаллизации в гетто «культуры бедности».

Пространственная и социальная сегрегация андеркласса, проживающего в гетто, обуславливают его культурную изоляцию, когда устанавливаются барьеры для общения и взаимообмена культур, усиливается отчуждение этой категории от остального общества. Отчуждение становится основной характеристикой современных бедных. Смысл, вкладываемый в термин «андеркласс» американскими специалистами (им обозначают только «недостойных» бедных: не имеющих регулярной работы, преступников, наркоманов и других, лично ответственных за свою бедность), по мнению европейских социологов, больше соответствует категории маргиналов [24] — людей, живущих вне рамок общепринятого образа жизни, вне рамок общества и культуры. В реальности это те, кто постоянно беден. Однако исследования показали, что таковых лишь 2% от общего числа находящихся за «чертой бедности». Поэтому ученые считают необоснованным перенесение характеристик их образа жизни на субкультуру бедных вообще.

Итак, противоречия в анализе субкультуры бедных определяются не только различиями в трактовке данной социальной категории, но и ее неопределенностью. Уточнение места бедных в социальной иерархии общества приводит к выводу, что только незначительная их часть имеет особую культуру, противоположную культуре общества в целом. В остальном бедные формируют субкультуру, которая включена в общий контекст.

Маргинальность сознания или социальные условия?

О. Льюис [25], В. Миллер [14], Х. Родман [26], К. Кларк [27] и другие авторы подчеркивают, что культура бедности становится самостоятельной и воспроизводящей силой, сохраняющей бедность даже при благоприятных условиях. Этот тезис, восходящий к Уорнеровской школе и популярный в 50—70-х годах, сейчас имеет не много сторонников, хотя некоторые положения находят отражение в социально-психологической литературе [28]. Современные исследователи предпочитают говорить о «культуре гетто» [20]. Данный термин подразумевает два обстоятельства: во-первых, моральные ценности и социальные нормы в гетто являются результатом социальной изоляции и экономической нестабильности; и во-вторых, культура гетто может изменяться с изменением ситуации, но поскольку амплитуды этих изменений не совпадают, то соответствующие ценности и модели поведения могут сохраняться длительное время.

Иной точки зрения придерживаются Г. Ганс [29], Л. Райнуотер [15], К. Олетта [30], которые связывают социально-культурные особенности с социальным окружением и условиями жизни. Эти ученые исходят из того, что достижение успеха является основополагающей чертой американской культуры и особенно высоко ценится членами общества, в том числе представителями низшего класса. Но им из-за социальных условий трудно продвигаться по социальной лестнице. Нереализованные стремления, завышенные амбиции, чувство несправедливости вызывают фрустрацию, что нередко приводит к отклоняющемуся поведению. Для нашей страны актуальность постановки вопроса о

взаимосвязи бедности и культуры не вызывает сомнения. Сейчас, после семидесятилетнего замалчивания, можно говорить, что эта проблема касается не только «их», но и «нас». Привыкшие жить в равной бедности, когда активность наказывалась, а нормой было социальное иждивенчество, многие не могут приспособиться к изменившейся ситуации. Бедность приобретает массовый характер, и существует опасность, что «культура бедности», присущая ограниченному числу людей на Западе, станет у нас «общепринятой».

Чтобы избежать комфортного существования в образе нищего, нужно бороться не только с экономическими причинами бедности, но и с ценностями и нормами, оправдывающими пассивность и иждивенчество. Нужно изжить «маргинальность сознания», его двойственность — основу «культуры бедности».

Неимущие, с одной стороны, осознают общезначимые ценности и официальные нормы, а с другой — вырабатывают свою жизненную систему координат. Они живут в двух измерениях: в мире грез и в мире жестокой реальности. Именно разрыв между этими двумя мирами, поддерживаемый как самими бедными посредством стереотипов относительно пределов их возможностей, так и рядом объективных социальных условий, способствует адаптации к условиям нужды, а не активному поиску выхода из нее. «Клеймо бедности» заставляет мыслить категориями замкнутого пространства и действовать согласно установленным правилам: либо в роли вечного просителя места работы, пособий, милостыни и т. д., либо в роли преступника. Получение «льгот» заставляет вести себя соответственно, дабы их не лишиться.

Разорвать замкнутый круг, перейти из разряда униженных и оскорбленных, из «недостойных» в «достойные» — значит не только стать состоятельным, но и попытаться изменить стиль мышления, вырваться из тисков маргинального сознания и культуры бедности.

Литература

1. Lewis O. Five families: Mexican case studies in the culture of poverty. London: Souvenir press, 1975.
2. Hannock E. R. Concept of poverty in the British social surveys from Chads Booth to Arthur Bowley // The social survey in historical perspective 1880—1940 / Ed. by M. Bulmer, K. Bales, K. K. Sklar. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1991. P. 189—216.
3. Wirth L. The ghetto. Chicago: Univ. of Chicago press, 1956. P.X-XI.
4. Thrasher F. M. The gang. Chicago: University of Chicago press, 1927.
5. Hebdige D. Subculture: the meaning of style. London: Methuen, 1979.
6. Roberts B. Naturalistic research into subculture & deviance // Working papers in culture studies. Resistance through rituals / Ed. by S. Holl. Birmingham: Univ. of Birmingham press, 1975.
7. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. С. 18.
8. Goodenough W. H. Cooperation in change: an anthropological

- approach to community development. New York: Stage, 1963. P. 259.
9. Valentine Ch. Culture & poverty. Chicago — London: Univ. of Chicago press, 1968. P. 5.
  10. Yinger J. M. Contraculture & subculture // American Sociological Review. 1960. V. 25. No. 5. P. 625—635.
  11. Hall S., Jefferson F., Roberts B. Subcultures, cultures & class // Working papers in cultural studies. Resistance through rituals / Ed. by S. Holl. Birmingham: Univ. of Birmingham press, 1975.
  12. The study of society. New York, 1958.
  13. Lewis O. A study of slum culture. New York: Random House, 1968. P. 4.
  14. Miller W. Lower class culture as a generating milieu of gang delinquency // Journal of social issues. 1958. V. 14. P. 5—19.
  15. Rainwater L. The problems of lower class culture // Journal of social issues. V. 26. No. 2. 1970. P. 142.
  16. Lewis O. La Vida. New York: Random House, 1966. P. 49—53.
  17. Steinberg St. The ethnic myth. Rase, ethnicity & class in America. New York: Atheneum, 1981. P. 106.
  18. Elesh D. Poverty theories & income maintenance: validity & policy relevance // Social science quarterly. 1973. V. 54. No. 2. P. 360.
  19. Rodman H. Class culture // The International Encyclopedia of the Social Science. New York, 1968.
  20. Jencks C. Rethinking social policy. London: Harvard Univ. press, 1992.
  21. Hess B. New faces of poverty // American demographics. 1983. Vol. 5. P. 26—31; Wilson W. J. The truly disadvantaged Chicago: Univ. of Chicago press, 1987; Marklund St. Structures of modern poverty // Acta Sociologica. 1990. Vol. 33. No. 2. P. 125—140.
  22. Townseid P. Poverty in United Kingdoom. Berkley; Los Angeles: Univ. of California, 1979. P. 31.
  23. Lewis O. The culture of poverty // Poverty in America / Ed. by L. Ferman, I. Kornblun, A. Haber. Ann Arbor: University of Michigan press, 1965. P. 405—419.
  24. Marklund St. Structures of modern poverty // Acta Sociologica. 1990. Vol. 33. No. 2. P. 125—140.
  25. Lewis O. Peasant culture in India & Mexica: A comparative analysis // Village India: studies in the little community / Ed. by Mck. Marriott. Chicago: Univ. of Chicago press, 1955; Idem. The culture of poverty // Poverty in America / Ed. by L. Ferman, I. Kornblun, A. Haber. University of Michigan press, 1965. P. 405—419.
  26. Rodman H. The lower class value stretch // Social Forces. 1963. V. 42. No. 2.
  27. Clarck K. B. Dark getto: dilemmas of social power. New York: Harper & Row, 1965.
  28. Peterson S. & Seligman M. Causal explanation as risk factor for depression: theory & evidence // Psychological review. 1984. V. 91. No.3. P. 347—374.
  29. Gans H. Poverty & culture // Poverty in America // Ed. by L. Ferman. University of Michigan press, 1965.
  30. Auletta K. The underclass. New York: Random House, 1982.